

Колесниченко Милана Борисовна

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА НОШЕНИЕ ХИДЖАБА

Статья посвящена социологическому осмыслению проблемы ношения хиджаба в современных условиях. Ношение хиджаба проанализировано как элемент религиозности, конфессиональной идентичности, как конструктивный элемент модной коммуникации, как конфликтогенный элемент, структурный компонент общественного мнения, потребления, феномен культурной ностальгии и др. Особое внимание автор уделяет также историческому, психологическому, социально-коммуникативному аспектам проблемы. Выявлены основные социологические подходы, позволяющие адекватно описать феномен хиджаба.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2014/10-3/24.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 10 (48): в 3-х ч. Ч. III. С. 101-106. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2014/10-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

5. **О регламенте Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации:** Постановление № 33-СФ от 30.01.2002 [Электронный ресурс]. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=EXP;n=569929> (дата обращения: 30.01.2014).
6. **Толковый словарь русского языка** / под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Астрель: АСТ, 2000. 1568 с.
7. **Толковый словарь русского языка.** 2-е изд-е, испр. и доп. / под ред. С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой. М.: Азъ, 1995. 908 с.
8. **Халипов В. Ф., Халипова Е. В.** Власть. Политика. Государственная служба: словарь. М.: Луч, 1996. 271 с.

PARLIAMENTARY INFLUENCE ON MILITARY SECURITY ARRANGEMENT

Kovalev Andrei Andreevich

*Institute of the Federal Security Service of Russia
senator23@yandex.ru*

The author considers the mechanism of parliamentary influence on military security arrangement, which finds its expression in various forms, primarily by way of the development, discussion and adoption of legislative acts, the approval of state budget, and the ratification of international treaties. The researcher concludes that the effectiveness of parliamentary influence on military security sphere remains low.

Key words and phrases: military security; parliamentary influence; parliamentary control; legislation; Federal Assembly; Constitution of the Russian Federation; power.

УДК 316.74

Социологические науки

Статья посвящена социологическому осмыслению проблемы ношения хиджаба в современных условиях. Ношение хиджаба проанализировано как элемент религиозности, конфессиональной идентичности, как конструкт модной коммуникации, как конфликтогенный элемент, структурный компонент общественного мнения, потребления, феномен культурной ностальгии и др. Особое внимание автор уделяет также историческому, психологическому, социально-коммуникативному аспектам проблемы. Выявлены основные социологические подходы, позволяющие адекватно описать феномен хиджаба.

Ключевые слова и фразы: хиджаб; идентичность; дискурс; постмодерн; провокация; конфликт; традиция; современность; мода; практика.

Колесниченко Милана Борисовна, к. соц. н., доцент

*Пермский национальный исследовательский политехнический университет
milana72000@mail.ru*

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА НОШЕНИЕ ХИДЖАБА[©]

Социологическое видение религиозных и этнических проблем приводит к появлению новых ракурсов на привычные с виду темы. Так, современная религиозность, как правило, не связанная с посещением соборов, определяется Т. Лукманом как внецерковная, «невидимая». В обществе, названном Ю. Хабермасом постсекулярным по причине сложных взаимоотношений между секулярным и религиозным, возникают конфликты между сторонами, представляющими противоположные интересы. Разногласия касаются как внешней представленности агентов (одежда, атрибуты, места поклонения), так и внутренних правовых норм, правил поведения [7, с. 151]. Одним из внешних элементов конфессиональной принадлежности, элементов одежды является хиджаб. Цель данной статьи – социологический анализ хиджаба как социального явления. Для реализации цели были выдвинуты следующие задачи:

- 1) описать ношение хиджаба как социальную проблему;
- 2) охарактеризовать хиджаб как часть современной конфессиональной идентичности;
- 3) выявить основные социологические подходы к рассмотрению проблемы хиджаба.

Активизация проблемы хиджаба в России произошла в Ставрополе в 2012 году, когда девочки-мусульманки стали посещать школу в платке. При оценке конфликтной ситуации возникли аргументы разных сторон:

- а) аргумент надевающих хиджаб: надо следовать Корану;
- б) аргумент властных структур, от которых требуют решения (прокуратура): в России светское образование, поэтому ношение религиозной одежды в школе противоречит Конституции;
- в) аргумент защитников, т.е. за разрешение, позволение носить хиджаб: фактическое отсутствие проблемы или ее несерьезность (не стоит обращать внимания), иначе придется рассматривать, например, ношение натального православного или католического креста детьми в школе;

г) аргумент противников: все начинается с малого, и «девочки в косынках» могут считаться атакой на светское государство вплоть до указания на заговор исламистов и влияние исламского терроризма.

При анализе аргументации появляются следующие вопросы:

– Если это традиция, то почему хиджаб не надевали раньше? Если и надевали, почему именно сейчас это рассматривается как проблема?

– Если ношение религиозной символики противоречит Конституции, то почему раньше никто на это не обращал внимание? Какую именно одежду и какие именно атрибуты считать религиозными, а какие нет? Каково правоприменение в случае нарушения запрета на ношение религиозной одежды? Почему это правоприменение не применялось раньше?

– Во-первых, проблема дошла до Президента, и В. В. Путиным была озвучена позиция, что Россия – светское государство, но при этом необходимо уважать религиозные чувства верующих. При этом остается неясно, что делать представителям власти на местах, которые столкнулись с данной проблемой. Согласно постановлению прокуратуры, директор Ставропольской школы должна привлечь педагогов к дисциплинарной ответственности. Если проблема несерьезная, почему она ставит в тупик представителей власти, ответственных за принятие решений? Во-вторых, существует проблема ношения хиджаба в вузах и школах Франции, Турции, Туниса, Сирии, Ирака, Таджикистана и др. Почему с ней сталкиваются или сталкивались в других странах? В-третьих, почему ответную реакцию вызывает только хиджаб, и никакой другой элемент одежды и религиозной символики такого возмущения не вызывает? Почему ношение косынки, предписанной православием, не вызывает такой ответной реакции, в т.ч. в мусульманских странах? И при наличии в мусульманских странах православных религиозных общин, ношение ими религиозной символики раздражения не вызывает? (Скорее всего, ношение хиджаба прямо запрещается в тех мусульманских странах, где сильны военные режимы этатистского плана. Хиджаб выступает символом политического ислама, являющегося прямой конкуренцией правящим военным режимам).

– Если принимать аргументацию противников всерьез, то это значит начать бороться с терроризмом в лице несовершеннолетних девочек.

В ходе социологического анализа актуальными становятся и такие вопросы: имеет ли место пережиток прошлого, или же это реакция на определенные вызовы современной жизни? В каких регионах ношение хиджаба порождает проблему? Управляет кто-либо этими провокациями или же они спонтанны и непредсказуемы? Каков имущественный статус лиц, связанных со скандалами из-за хиджабов? Когда вообще хиджаб стал предметом дискурса?

Распространены предположения о том, что хиджаб является «пережитком прошлого» (если относиться к нему отрицательно) или «традицией нашего народа» (если относиться к нему положительно). Однако в настоящее время актуализируется иная смысловая нагрузка хиджаба, имеющая все признаки современной моды (об особенностях модной коммуникации хиджаба см. далее). Логика женской одежды, рекомендуемая, например, сурой «Свет» Корана, предусматривает одевание, не привлекающее излишнего внимания. Логика моды как средства привлечения внимания, и логика рекомендуемого религией одевания как средства избегания излишнего внимания, прямо противоположны.

Кроме того, при описании национальной одежды, одежда, считаемая традиционной, т.е. калфак для татарских и тюбетейка для узбекских женщин, явно имела функцию привлечения внимания. При этом платок (собственно хиджаб) во всех случаях только упоминался как некая дополнительная деталь. Исследователи даже не указывали «национальное» название платка. Вполне очевидно, что такой подход отражал отношение к данному виду одежды тех, кто его носил. Данный вид одежды не был парадным, не был «напоказ», не был предметом гордости и темой разговора при обсуждении одежды и модного. Таким образом, платок явно выполнял функцию средства избегания излишнего внимания, как и предписывалось религиозными нормами.

Само изменение функции головного платка на прямо противоположную, а именно на функцию привлечения внимания, заставляет сомневаться в «преимуществах традиции». Преимуществом традициям здесь только кажущаяся. На самом деле и сам платок, и манера его завязывания и одевания в традиционных мусульманских общинах весьма отличались. В мусульманских деревнях в повседневном быту носили различные виды платков, шалей, покрывал и прочих головных уборов. В начале XX века для каждой общины была характерна своя особая праздничная одежда, которую исследователи и назвали «национальным костюмом», и именно ему приписывалось огромное значение. Символом статусной принадлежности, показывающим факт замужества, богатство, знатность, причастность к какой-либо общине, являлись не платки, а «национальный костюм» и аксессуары в форме вышивки, украшения и т.п.

Аналогичным образом, православные христианки перед входом в храм должны повязать голову платком или косынкой. Но платок не считается традиционной одеждой. Имеет значение соблюдение требования религии – прикрыть голову, не более того. Платок является символом иного значения – символом смирения.

Итак, возникший дискурс по поводу хиджаба некорректно приписывать «столкновению» пережитков и традиций с современностью.

Дальнейший анализ литературы позволяет сделать вывод о том, что география проблемы достаточно широка. Практически по всем странам Западной Европы мы находим упоминание о скандалах, судебных разбирательствах и полемике в связи с проблемой хиджабов. В основном это происходит в местах концентрации общин мигрантов. При этом проблемы связаны не только с учебными заведениями, но и с теми местами, где люди провоцируются на проявления дискриминации, в частности, места работы (в т.ч. учителя), банки, пункты паспортного контроля, фотостудии и т.д. [11].

В отношении возможности управления провокациями, связанными с надеванием хиджаба, ответ скорее отрицательный. Вряд ли кто-либо может подстрекать на принятие решения носить хиджаб, планировать и организовывать акции из единого центра. Рассуждения об этом выходят в плоскость политической причастности и деятельности террористических организаций.

В плане управления реакцией на хиджаб интересен психологический аспект данной проблемы. Рассматривая сам факт надевания хиджаба в школах или вузах, можно определить психологическую провокацию, т.е. игру в рамках транзактного анализа, в которой игрок преследует цель получить жесткую реакцию («побои»), а в итоге получает возможность привлечь к себе внимание как к «жертве». Провокация на хиджаб заставляет неподготовленное лицо, кому она адресована (в случае на Ставрополье – учителю), занять жесткую позицию (нельзя – и все, снять немедленно!), что, в свою очередь, порождает конфликт с участием третьих лиц – родителей учащихся и руководства школы.

В тезаурусе психологических игр Э. Берна к данной проблематике подходят игры «Ну почему такое случается именно со мной?» или «Не бейте меня». Известна характерная черта этой игры, заключающаяся в том, что если люди из непосредственного окружения игрока не нападают на него в силу действия принятых правил, то поведение игрока нацеливается на постепенное усиление провокации. Может проявиться т.н. гордость наизнанку («мой несчастья лучше ваших»), что дает возможность игроку почувствовать свою исключительность.

Эскалация конфликта на более высокий уровень (обращение к родителям, муфтию, органы надзора и т.д.) будет означать, что игра сработала. Попытка уклониться, не показывать реакцию, будет иметь временный характер, поскольку провокация может продолжиться и найдется то лицо, которое на нее прореагирует.

К сожалению, подъем проблемы на более высокий уровень (вплоть до Президента страны) делает ее решение невозможным. Причина в том, что представители власти не могут позволить себе занять в этом вопросе жесткую позицию запрета и преследования за ношение хиджаба. Подобное решение породит конфликт с непредсказуемыми последствиями (например, агрессивные действия в отношении представителей власти, которые будут непосредственными исполнителями принятых решений, ответная агрессия представителей власти и т.д.), с обвинениями власти в неоправданной жестокости. В то же время, если органы власти не будут обращать внимания, провокации будут продолжаться, и последуют обвинения их в попустительстве. Даже такой уровень власти, как у муфтия, не способен разрешить проблему, что и произошло в ситуации на Ставрополье. Предложенный «компромисс» не устроил конфликтующие стороны.

Касательно имущественного статуса лиц, носящих хиджаб, часто срабатывает стереотип, заключающийся в том, что хиджаб, как наследие тяжелого прошлого, связан с забитостью, невежеством, смирением женщины. Истоки данного стереотипа лежат в накоплении результатов повседневного общения на протяжении всего колониального периода, когда местная элита перенимала элементы культуры у колонизаторов. Чтобы убедиться в этом, достаточно посмотреть фотографии в газетах, выпущенных в Средней Азии. Стиль изобразительной на фото одежды прямо соответствовал нормам, принятым в Москве. Например, фото студентов 1940-х годов в газете «Правда Востока» от 3 сентября 1945 г. [9]. Представители местных элит рассматривали людей, не перенявших новые элементы культуры, в т.ч. одежду, как отсталых и невежественных.

На современных фотографиях молодых девушек в хиджабах, размещенных в интернете, очевидно, что эти девушки никоим образом не относятся к низшим слоям общества. Сама реклама и интернет-магазины мусульманской одежды [3] ясно дают понять, что их потребителями являются далеко не девушки из глухих аулов. Кроме того, факт многочисленных судов, связанных со скандалами из-за хиджабов, также позволяет предполагать, что в них фигурируют лица из семей, достаточно образованных и состоятельных для того, чтобы инициировать судебные процессы и активно отстаивать (в т.ч. с привлечением оплачиваемых адвокатов) свою позицию в судах.

При ответе на вопрос, когда хиджаб стал предметом дискурса, затрагивается исторический аспект проблемы хиджаба. Важно не то время, когда его начинают носить, а когда его надевание становится поводом для конфликта. В России впервые конфликт вышел на повестку дня в 2011 г. Франция запретила ношение хиджаба в общественных местах в 2010 г., при этом запрет на исламский платок в государственных школах уже был наложен в 2004 году [6]. Полемика о запрете ношения хиджаба была отмечена в Великобритании в 2006 г. при участии премьер-министра Тони Блэра с тезисом о хиджабе как о символе сегрегации.

Данные, опубликованных на сайте организации «Innovative Minds», в отношении реальных и мнимых преследований мусульманских женщин за хиджаб [11], относятся к 2000-м годам. Самая ранняя из дат «преследования», 1999 год, имела место в Великобритании. В 1990-е годы нет сведений о том, чтобы по этой теме поднимался широкий общественный дискурс.

Иное дело в странах Ближнего Востока, где руководящая роль, как было сказано ранее, принадлежит этатистским партиям и военным. Так, в Турции и Тунисе официальные запреты на ношение хиджаба в общественных местах были введены в 1981 и 1983 гг., в Сирии и Ираке в 1963 г. В Турции после прихода к власти партии умеренного ислама была попытка снять этот запрет в 2008 г., но решение о снятии запрета было отменено Конституционным судом. В Тунисе запрет снят после революции 2011 г.

Таким образом, время появления хиджаба как предмета дискурса – 1980-е – 1990-е годы в общинах-сторонниках политического ислама, противостоящих этатистским военным режимам Ближнего Востока. Для общин эмигрантов в Западной Европе – это первые десятилетия XXI века. Для России данный дискурс находится в периоде становления и первоначально связан с детьми эмигрантов-беженцев 1990-х годов на Северном Кавказе.

Среди современных социологических парадигм, касающихся предмета анализа, весьма распространенной является постмодернистская. В центре внимания – идентичность. Интерпретироваться она может по-разному в зависимости от авторской концепции (З. Бауман, Э. Гидденс, Ж. Бодрийяр, Дж. Урри, Р. Брубейкер и др.), но практически все постмодернисты повествуют о нечеткости границ социальных объектов, не говоря уже о процессах и явлениях. В силу размытости границ идентичность многомерная и многоуровневая. Она приобретает оттенок глобальности, эмоциональности, большей компетентности, креативности и др. [5, с. 92]. Важно при этом, что «конфессиональная идентичность образуется религиозными практиками, формируется в процессе социализации... Религиозная идентичность – персонального уровня, а конфессиональная – социального» [8, с. 19].

Согласно социологическому анализу Д. Гараева [2], можно выделить «внешний хиджаб» как ношение платка, одежды и «внутренний хиджаб» как комплекс поведенческих практик. Как отголосок повышения активности женщин, современный хиджаб означает активный процесс конструирования собственной идентичности, самосборки, создания своего образа. Ношение хиджаба играет в нем ключевую роль, сопряженную с постоянной рефлексией и многочисленными ситуациями выбора. Тем самым осуществляется ««делание» из себя мусульманки» [Там же], а точнее, более комплексного образа современной женщины, представителя постмодернистской культуры. Платку может отводиться роль дисциплинирующего фактора, повышающего ответственность, осознанность, рефлексивность в повседневных практиках, дающего выход в публичную сферу. По мнению турчанок, «мусульманский платок придает уверенность в себе, чувство защищенности, поднимает самооценку и даже позволяет занять более высокое положение в турецком обществе» [10].

В литературе, посвященной хиджабу, встречаются рассуждения о том, позволительно ли носить открытую одежду и обувь в сочетании с платком (топики, футболки, босоножки и т.д.). Несмотря на споры, в настоящее время все больше распространяются именно такие варианты, противоречащие традиционным порядкам. С позиции постмодернистской культуры данный факт становится нормальной социальной практикой, выводя хиджаб в плоскость многогранного символического образа. В таком образе воплощаются все черты постмодерна: разнообразие (дифференциация), деконструкция, децентрация, симуляция и др.

В настоящее время активно протекают процессы трансформации религиозной идентичности, что воплощается, например, в смене языка коммуникации. Так, исламское книгоиздательство в Татарстане переходит на русский язык, принимаются госстандарты по исламской теологии, появляются интеллектуальные русскоязычные духовные сообщества и т.д. «Татарский язык как язык идентичности отодвигается на второй план» [8, с. 75], что ведет к ускорению ассимиляции. Таким образом, социально-коммуникативный аспект анализа проблемы хиджаба в первую очередь касается языка.

Во-вторых, наблюдается развитие модной коммуникации на примере хиджаба. Сеть интернет пестрит изобилием различных модных решений практики ношения хиджаба, богатством расцветок и фактуры. В средствах массовой коммуникации постоянно публикуется информация о показах мод известных дизайнеров и фотомоделей в хиджабах. Ношение хиджаба имеет свои модные тенденции. В рекламе, продукции магазинов, модельных показах наблюдаются преобразования хиджаба в соответствии с направлениями его моды. Так, появился исламский купальный костюм, практически полностью закрывающий открытые участки тела. В показах исламской моды выставляются детские серии. Хиджаб проникает и в светскую одежду, становясь ее частью, например, частью профессиональной одежды полицейского.

Мода на хиджаб позволяет женщине почувствовать себя более свободной. Экзальтация, провокация являются частью процесса женской эмансипации, который на новом этапе «женского освобождения» связан не с «надеванием паранджи» как некой религиозной оковы, а с ношением хиджаба в качестве символа гендерно-конфессиональной идентичности, но не только. Образовавшаяся постмодернистская идентичность имеет комплексный, мозаичный, смешанный характер. Она включает также важный социологический аспект современной, а точнее постсовременной, телесности. Согласно Ж. Бодрийяру, «повсюду углубляется ставшее отныне почти необратимым смешение, так как именно в той мере, в какой она «освобождается», женщина всё более смешивается с её собственным телом» [1, с. 178]. Хиджаб становится включенным в постмодернистскую женскую телесность, подчеркивая далеко не покорность и смиренность женщины, а наоборот, демонстрируя общественный вызов и провокацию, а также элемент модной коммуникации.

Понимание хиджаба как современного символа вызова и борьбы раскрывается в стихотворении, опубликованном на сайте организации «Innovative Minds» во Франции [11]:

My liberty – hijab
 My quality – hijab
 My surety – hijab
 My philosophy – hijab
 I'll always wear – my hijab
 You'll never scare – my hijab
 I'll give my life – for hijab
 I'll always strive – for hijab...

Ношение хиджаба может рассматриваться как феномен, присущий обществу потребления – как потребление безопасности, безопасности в кругу ближайшего окружения.

В исследовании Э. Понарина [4] была использована теория модернизации Р. Инглхарта и К. Вельцеля, в соответствии с которой экономическое развитие ведет к росту экономической и физической безопасности.

На первом этапе модернизации важны экономические основы (обеспечение пропитания людей), ценности выживания. В большинстве стран за период с 1981 по 2011 годы наблюдается сдвиг в сторону ценностей самовыражения и секулярно-рациональных ценностей, т.е. переход ко второму этапу модернизации. Однако в России сильнее выражены традиционные ценности, ценности выживания (небезопасности). Ношение хиджаба, инициирующее возможную провокацию, может быть направлено на коммуникацию с окружением, что связано с вышеописанным потреблением «безопасности».

Также практикой ношения хиджаба совмещается мораль пуританская и гедонистическая. Здесь напрашивается приведение аналогии с современным «увлечением сатанизмом» (праздник Хэллоуин, фильмы о вампирах, куклы Монстр Хай и др.), так как увлечение дает возможность прикоснуться к сверхъестественному и мистическому без риска быть сожженным на костре. Это «масштабная любознательность», «универсальная любознательность» [1, с. 110], заставляющая людей пробовать все, наслаждаясь и развлекаясь.

В подтверждение тому, что ношение хиджаба и связанный с ним конфликт являются именно потреблением, приведем определение Ж. Бодрийера: «Потребление – это система, которая обеспечивает порядок знаков и интеграцию группы; оно является, следовательно, одновременно моралью (системой идеологических ценностей) и системой коммуникации, структурой отношений» [Там же, с. 108]. В данном случае мы можем убедиться, что ношение хиджаба и вовлеченность в конфликт дают возможность интеграции группы (что особенно важно для эмигрантов второго поколения), дает этой группе моральные нормы и обеспечивает систему коммуникаций.

Можно предположить, что в случае с хиджабом имеет место и другой вид современного потребления, а именно «культурная ностальгия». Это интерес к практикам, которые для современного потребителя выглядят экзотическими и зачастую представляют собой подзабытые традиции. Некоторые феномены, так или иначе связанные с Ближним Востоком, например, получивший фактически новое рождение хадж, явно несут оттенок ностальгии. Такие культурные феномены, как курение кальяна, танец живота, турецкие бани, потребляются не только туристами, но и в последние годы все более активно городской молодежью в Европе. Вызвавшая большой скандал в Москве пальба из ружей на свадьбе скорее относится именно к культурной ностальгии, поскольку все лица, участвующие в ней (эмигранты во втором и третьем поколениях), без тени сомнения говорили о «традиции», меж тем как эта традиция уже исчезла на их исторической родине в Дагестане, а также были неподдельно поражены и не ожидали такой общественной реакции.

Феномены культурной ностальгии имеют такое свойство, что хотя они первоначально и вызывают общественное негодование, но впоследствии способствуют приобщению местных жителей, живущих рядом с эмигрантами, к данным культурным феноменам, и их самостоятельному потреблению. Отличается только скорость адаптации и способы применения механизмов сглаживания конфликтов.

Резюмируя, можно получить следующую картину основных характеристик рассматриваемого феномена:

1) социальная проблема хиджаба локализована преимущественно в общинах эмигрантов (как в Европе, так и в России) в контексте их взаимодействия с официальными общественными институтами. Характер возникновения проблемы спонтанный и непредсказуемый, протекает в высокостатусной среде. Современное ношение хиджаба представляет собой не традицию, а реакцию на вызовы современной жизни, имеет признаки модной коммуникации, носит четкий символический и провокационный образ и функцию привлечения внимания. Практика надевания хиджаба стала предметом общественного дискурса сравнительно недавно, в начале XXI века в Западной Европе, с 2011 г. – в России;

2) современная конфессиональная идентичность не укладывается в строгие рамки, она подвергается трансформации в процессе передвигания границ религиозного / секулярного, модернистского / постмодернистского. Формирование образа внешнего и внутреннего хиджаба современной женщины обусловлены возрастанием социальной активности женщин, их свободы, мобильности;

3) к основным социологическим подходам, на основе которых возможно описание проблемы хиджаба, следует отнести социологию постмодерна, социологию потребления Ж. Бодрийера, теорию модной коммуникации и модного поведения А. Б. Гофмана, теорию модернизации Р. Инглхарта и К. Вельцеля, визуальную социологию.

Список литературы

1. **Бодрийер Ж.** Общество потребления. Его мифы и структуры. М.: Культурная революция; Республика, 2006. 269 с.
2. **Гараев Д.** Женский мусульманский платок в Казани (взгляд социолога) [Электронный ресурс]. URL: http://tatar-moscow.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=2704:--&catid=3 (дата обращения: 26.07.2014).
3. **Интернет-магазин хиджабов** [Электронный ресурс]. URL: <http://www.irada.su/razdel/aksessuary/> и <http://www.djannat.com/index.php?name=shop&cat=3> (дата обращения: 26.07.2014).
4. **Какие ценности важны для россиян: результаты исследовательского проекта «Всемирное исследование ценностей»** [Электронный ресурс]. URL: <http://www.echomsk.spb.ru/interviews/tsennosti-rossiyan.html> (дата обращения: 26.07.2014).
5. **Колесниченко М. Б.** Составляющие идентичности в постсовременной социологии // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 10 (36): в 2-х ч. Ч. II. С. 90-93.
6. **Куэста А.** Исламский хиджаб и западная озабоченность [Электронный ресурс]. URL: <http://inosmi.ru/europe/20100214/158167580.html> (дата обращения: 26.07.2014).
7. **Музыкаева Е. В.** Конфликт идентичностей в странах Западной Европы // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 12 (38): в 3-х ч. Ч. II. С. 149-153.

8. Мухаметшин Р. М., Гарипов Я. З., Нуруллина Р. В. Молодые мусульмане Татарстана: идентичность и социализация. М.: Academia, 2012. 150 с.
9. Правда Востока. 1945. 3 сентября [Электронный ресурс]. URL: <http://www.oldgazette.ru/pvostok/03091945/02-1.html> (дата обращения: 26.07.2014).
10. Разнообразиие хиджаба [Электронный ресурс]. URL: <http://one-view.ru/punkt/religion/7-xidjab.html> (дата обращения: 26.07.2014).
11. Protest French Hijab Ban [Электронный ресурс]. URL: <http://www.inminds.com/french-hijab-ban.html#t1> (дата обращения: 26.07.2014).

SOCIOLOGICAL APPROACH TO HIJAB WEARING

Kolesnichenko Milana Borisovna, Ph. D. in Sociology, Associate Professor
Perm National Research Polytechnic University
milana72000@mail.ru

The article is devoted to the sociological understanding of hijab problem under modern conditions. Wearing of hijab is analyzed as an element of religiosity, confessional identity, as a construct of fashion communication, as a conflict provoking element, as a structural component of public opinion and consumption, as a cultural phenomenon of nostalgia, etc. The author also pays special attention to the historical, psychological, social and communicative aspects of the problem. The basic sociological approaches that allow describing hijab phenomenon adequately are revealed.

Key words and phrases: hijab; identity; discourse; postmodernity; provocation; conflict; tradition; modernity; fashion; practice.

УДК 316.35:39

Социологические науки

Авторами определены критерии оценки степени эффективности действий организаций территориального общественного самоуправления (ТОС) как социального института, одной из явных функций которого является развитие традиционной культуры казачества на территории Волгоградской области. В ходе исследования был применен метод экспертного опроса руководителей и специалистов органов исполнительной власти Волгоградской области, имеющих непосредственное отношение к рассматриваемой проблематике. Полученные выводы и рекомендации могут использоваться для развития традиционных культур в прочих регионах РФ.

Ключевые слова и фразы: территориальное общественное самоуправление; социальный институт; традиционная культура; казачество; экспертный опрос.

Крапивенский Анатолий Соломонович, к. соц. н.

Коломок Оксана Ивановна, д. пед. н., профессор

Зенина Наталья Васильевна, к. пед. н.

Московский финансово-юридический университет МФЮА (филиал) в г. Волгограде
krapivensky@list.ru

КРИТЕРИИ ЭФФЕКТИВНОСТИ РАБОТЫ ОРГАНИЗАЦИЙ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВЕННОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ ПО РАЗВИТИЮ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ КАЗАЧЕСТВА НА ТЕРРИТОРИИ ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ[©]

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 14-13-34007.

Под явными функциями социального института, согласно теории Р. Мертона [5], следует считать те, которые являются осознаваемыми самим социальным актором, очевидными для тех, кто испытывает на себе их последствия, т.е. это ожидаемые и необходимые функции.

Одной из явных функций организаций ТОС как социального института является развитие традиционной культуры в местах его деятельности (в нашем случае – традиционной культуры казачества на территории Волгоградской области).

Следует отметить, что рассматриваемая нами социокультурная функция организаций ТОС является «частью системы обеспечения культурной безопасности региона» [3, с. 100].

С целью определения критериев оценки эффективности данного вида деятельности в рамках НИР «Организации территориального общественного самоуправления как инструмент развития традиционной культуры казачества на территории Волгоградской области» с 20 по 28 марта 2014 года был проведен опрос экспертов – должностных лиц, «чья профессиональная деятельность тесно связана с предметом исследования» [2, с. 49]: